

Воспоминание о прошлом: первые годы Лаборатории МИЛ (И.Б. Бирман)

А.С. Николаев

Обращение к прошлому КамчатНИРО, её кадровому «золотому фонду» — это, понятно, не только простые воспоминания. Это неизбежное обращение к историческому фону и времени, в котором жили и творили отцы-основатели ихтиологической науки Камчатки. Об одном из них, докторе биологических наук Иосифе Бенционовиче Бирмане, я не могу не рассказать, ибо много лет я трудился под его началом и проживал с ним бок о бок. Хотя справедливости ради не смею утверждать, что запросто входил в его дом — скромную квартиру-коммуналку, в которой он жил с тремя детьми-малолетками и женой, на Ленинской улице, где ныне Аптека и Выставочный зал.

Кстати, Бирмановский дом, заложенный в конце сталинского правления, принадлежал Камчатгосрыбводу, несколько помещений в нём занимало КоТИНРО. Соседствовавшая с ним пара сталинских трёхэтажек была собственностью тогдашнего Камчатско-Чукотского пароходства (в народе просто КЧП). Каждый из этих домов, как и здание УТРФ, отапливался персональной угольной кочегаркой, отчего зимой грязь стояла несусветная.

И.Б. Бирман приехал в КоТИНРО в середине 1950-х гг. Его прибытие на полуостров обязано возобновлению Японией к этому периоду широкомасштабного дрефтерного и ярусного промысла лососёвых рыб в северных водах Тихого океана. В силу этого обстоятельства и ряда неблагоприятных природных

факторов рыбная промышленность советского Дальнего Востока ощутила резкий спад нерестовых подходов сальмонид. Власти США самым решительным образом пресекли тогдашнюю экспансию японских промысловиков. В то же время СССР с сохранностью национального запаса азиатских лососёй оказался в крайне затруднительном положении, ведь страна ещё не оправилась от последствий тяжелейшей Великой Отечественной войны. Тогда ценой невероятных усилий советской дипломатии удалось договориться с японской стороной о создании Советско-Японской комиссии по рыболовству в северо-западной части Тихого океана (СЯРК) как межгосударственного регулятора японского промысла лососёй, воспроизводимых на Дальнем Востоке. В компетенцию СЯРК включалась также регуляция промысла корфо-карагинской и гижигинско-камчатской сельди. Информационное обеспечение с нашей стороны в переговорном процессе возлагалось на организованные в КоТИНРО и Сахалинском отделении ТИНРО лаборатории изучения морского периода жизни тихоокеанских лососёй. Первую возглавил и штатно укомплектовал переехавший на Камчатку из Амурского отделения ТИНРО в Хабаровске И.Б. Бирман, уже имевший учёную степень кандидата биологических наук. На Сахалине аналогичным подразделением руководил М.А. Дарда. В начальниках рейсов той (сахалинской) лаборатории много лет ходил Александр Иванович

Фролов, которого я знал лично. У него были проблемы с ногами, и я по молодости лет дивился его способности работать на зыбкой палубе. Удивительный человек!

СахТИНРО до переезда в Южно-Сахалинск долгое время базировался в пос. Антоново, что близ г. Холмска (там бывал А.П. Чехов во время знаменитого островного путешествия), в прекрасном новострое — корпусе, весьма похожем на московский речной вокзал. Пристанищем командировочных и части молодых институтских специалистов служили бывшие в относительно неплохом состоянии японские «фанзы» с экзотическими для меня раздвижными дверьми. Как известно, до освобождения Южного Сахалина на месте нынешнего СахТИНРО располагался филиал японского рыбохозяйственного института в г. Хокадате.

Развивая эту тему, не могу удержаться, чтобы не рассказать об одном вроде бы казусе и вместе с тем весьма характерном для менталитета элит Страны восходящего солнца эпизоде. Дело в том, что по линии СЯРК в период 1963—1965 гг. практиковалось месячное пребывание японских специалистов на наших исследовательских судах. Первым «иностранным» рейсом командовал сам Иосиф Бенционович. Последующие выпали на мою долю. В одном из таких рейсов мой визави (потом мой друг, не буду называть его имя — царствие ему небесное) приватно посетовал относительно размера командировочных, сказав, что оные были начислены не как отправленному в пределы иного государства, то бишь в СССР, а токмо в свой протекторат, в экспедицию на свою бывшую биостанцию в упомянутом Антоново. Каково! А ведь с момента освобождения Сахалина с Курилами и официального отхода их, согласно Ялтинскому соглашению, к СССР и до рассматриваемой истории минуло почти 20 лет! Увы, сей небольшой пример — лишнее подтверждение тому, что нынешняя оголтелая компания пересмотра итогов Второй мировой, а для нас — Великой Отечественной войны, началась далеко не теперь, тлея все послевоенное время латентно.

Переписка глав антигитлеровской коалиции отчасти также — моё предположение. К при-

меру, на заключительном акте краха японского милитаризма, когда США провели ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, тогдашний президент Гарри Трумэн ультимативно, все равно что у побеждённого, потребовал у СССР организации для себя военной базы на одном из островов Курильской гряды. На последнее мудрый Иосиф Сталин согласился, выдвинув, однако, встречное условие, согласно которому север о. Хоккайдо по линии Куширо-Хокадате отходил бы в оккупационную зону Советской России, с чем ни янки, ни даже потрясённые японцы согласиться категорически не могли. Очередной инцидент меж вроде бы союзниками был исчерпан. А повернись обстоятельства иначе, могу не без доли фантазии утверждать, что известному либеральному деятелю И. Хакамаде, дочери одного из секретарей компартии Японии, в родной ипостаси была бы уготована иная политическая участь.

Из забавных моментов тех рейсов добавлю, что при японцах на борту команды начинали «отъедаться» на 1 руб. 20 коп. в день против стандартных — не поверите! — 87 копеек. Научные сотрудники КоТИНРО оплачивали судовой «котёл» из собственных сумм в 3 рубля. Сопровождающему японцев (а им полагалось аж 5 рублей!), который был вынужден с ними столоваться, компенсации, увы, не полагалось. Последнее, каюсь, унижало, и даже становилось малость обидно за державу...

С момента прибытия на Камчатку и по 1963 г. включительно Иосиф Бенционович лично руководил научно-исследовательскими рейсами, после чего, вследствие ножного недуга, приобретённого в войну, смело поручал сие хлопотное дело мне и ещё разной степени молодости и опыта другим сотрудникам лаборатории. Первые плавания в океан выполнены на принадлежащем тогда отделению СРТ-300 «Аметист». Основной объём научной логистики по лососям реализован с помощью флота специализированного подразделения ТУРНИФ (Владивосток) — Тихоокеанского управления разведки и научно-исследовательского флота, комплектовавшегося специально дооборудованными судами типа СРТ-300 и 400, а с конца 1960-х гг.

СРТМ-800. Должен отметить также почти спартанский быт команды и научного персонала первой волны исследовательских кораблей. На них даже не было элементарного бытового холодильника, из-за чего питались классической «солониной».

Гигантский по акватории ареал тихоокеанских лососей предопределял абсолютную автономию научно-исследовательских рейсов, т.е. отрыв от естественных укрытий и полное отсутствие снабжения. И при всём при том те плавания всегда были откровением, граничащим с гриновским романтизмом и флибустьерством одновременно. Зная немного характер «босса», уверен, что подобные чувства испытывал и Иосиф Бенционович.

Морские лососёвые исследования, курируемые КоТИНРО, осуществлялись одновременно по общей научной программе с коррекцией по видовой специфике распределения и миграциям лососёвых стад. Условной границей работ научных судов отделений была 45-я параллель: акватория севернее оставалась «епархией» КоТИНРО, южная числилась за сахалинцами.

В дальнейшем при относительной изученности основных аспектов биологии лососёвых популяций в дальневосточной зоне океана И.Б. Бирман перенацелил исследовательскую деятельность в Охотское море, представляющее собой важнейший район нерестовой миграции и промысла лососёвых популяций Курил, Сахалина, Западной Камчатки, Амура и бассейна рек северо-охотского побережья.

Долгое время в среде дальневосточных «лососеведов» активно обсуждалась проблема дифференциации япономорской популяции горбуши на Южном Сахалине и севере Приморья. Не понаслышке зная сложность прогнозирования численности горбуши Южного Сахалина в свете вышеуказанного обстоятельства, Иосиф Бенционович предпринял ряд зимне-весенних рейсов в открытые воды Японского моря. Полученные материалы существенно прояснили понимание обсуждаемого вопроса.

Реализуя те либо иные морские проекты по биологии тихоокеанских лососей, И.Б. Бирман с самого начала своей научной карьеры в

КоТИНРО, а вероятнее всего, и ранее (у меня есть веские основания так считать), осознавал необходимость фундаментального познания всего цикла морской жизни этих рыб: от катадромии мигрантов в прибрежье и затем в открытые воды дальневосточных морей и Северной Пацифики, венчаемой загадочным навигационным феноменом анадромии в места рождения.

В последние годы своей работы Иосиф Бенционович сконцентрировался на исследованиях лососёвой молоди, мигрирующей через Охотское море. Вряд ли кто теперь знает, что первый, хотя и неудачный, поиск скатившейся в прибрежье молоди, по указанию Бирмана, был сделан мною поздней осенью далекого 1962 г. в Укинском и Оссорском заливах на северо-востоке Камчатки. Особые усилия Иосиф Бенционович предпринял по выработке методологии количественной оценки популяции горбуши и кеты из нерестового резервата западно-камчатского побережья. Я убеждён, что это было время научного «ренессанса» исследователя. Но прекрасное продолжение упомянутой работы случилось уже без меня.

Под руководством И.Б. Бирмана я проработал 17 лет — с 1961 по 1978 гг. И всегда меня поражала широта устремлений нашего шефа, его прозорливость и умение решать поставленные задачи, как ныне говорят, системно. Благодаря целеустремленности завлаба и его коллег и ответственности экипажей ТУРНИФ, была наработана гигантская и, не побоюсь этого слова, уникальная информационная база данных по термике, химизму, биофизическим полям, кормовой базе, питанию сальмонид и их биохимическому качеству в прилежащих к дальневосточному побережью морях и Северной Пацифике. Количественно объективизированы критерии половозрелости кеты и красной-нерки и их численное изъятие японскими дрейфтерами, что повысило точность оценок нерестового подхода упомянутых рыб. При И.Б. Бирмане, по инициативе И.И. Лагунова, начал систематически выполняться аналог Кольского на Мурмане — Камчатский 200-мильный океанологический разрез. На основе его материалов обнаружались устойчивые, разной периодичности, колебательные

тренды баланса теплонакопления океанических вод, коррелятивно увязанные с колебаниями численности многих важных в промысловом отношении пелагических и батипелагических рыб на шельфе Камчатки.

С помощью чешуйно-паразитологического метода удалось оценить степень смешения северо-американских и азиатских популяций красной. Автор проведённой в Бирмановской лаборатории работы С.М. Коновалов, ставший позднее директором ТИНРО, удостоился звания лауреата премии Ленинского комсомола.

Иосиф Бенционович всегда оставался на острие нового. В частности, он предположил, что по причине зимней гомотермии северных вод Тихого океана зимующие лососи, будучи эпипелагиками, способны преодолевать большие глубины. Для подтверждения в зимне-весенний период дважды были организованы плавания к югу от центральной части Алеутских островов. Лососей облавливали с помощью многоступенчатого разного шага ячеи вожачевого дрейфтерного порядка. Догадка Бирмана оправдалась. Но разрядки ради добавлю, что то были невероятно тяжёлые рейсы, отягощаемые жесточайшими штормами, к счастью, без оледенения. Бывало, трехсотсильная машина при полных оборотах едва удерживала судно на плаву. Однажды, помнится, когда очередной шторм чуть сбавил свой напор, нас, треплемых волнением, обходил огромный танкер. Высыпавшая на палубу команда приветствовала этих чудных русских. Когда же наш «скорлупа-пароход» соскальзывал к подошве очередного вала, танкер-гигант просто исчезал из поля зрения. Тогда впервые в жизни мне было жутковато. К счастью, за проскочившую словно миг 17-летнюю практику мореплаваний не стряслось ни единого сколь-нибудь тяжёлого происшествия. Ежели, конечно, не брать в расчёт пару кратковременных намоток сетей на судовой винт. Но тогда чётко срабатывала аварийно-спасательная служба ТУРНИФ, располагавшая штатом специализированных буксиров.

Будучи чутким и проницательным человеком, Иосиф Бенционович ненавязчиво поощрял и развивал склонности и инициативу сво-

их подопечных, никогда не дистанцируясь от коллег положением заведующего. В свое время лаборатория, первая в институте, осваивала большую модель трала Айзекса-Кидда для лова макрозоопланктона. Всякий раз возникали неурядицы, приводившие к поломке паравана-депрессора, обеспечивающего раскрытие сетного мешка. По его просьбе я взялся поправить дело. Поэкспериментировав с траловыми поводцами, избавились от складывания доски-депрессора, чем решилось раскрытие конструкции. Используя типовой самописец — автограф глубины, оттарировали ход трала Айзекса-Кидда по глубине в зависимости от длины вытравленного ваера (тарировка трала производилась для послойного лова макропланктона).

Не без помощи И.Б. Бирмана автору этих строк удалось реализовать единственный в своём роде комплекс гидроакустических исследований тихоокеанских лососей на предмет изучения распределения и поведения последних в море с помощью средств активной и пассивной эхолокации. Для выполнения этого проекта потребовалось привлечение научных сотрудников сторонних смежных организаций, чему дальновидный руководитель «дал зелёный свет». С его «благословения» мною были начаты первые на Дальнем Востоке страны, хотя далеко не совершенные, опыты по изучению хоминга лососей.

Безупречная академическая образованность Иосифа Бенционовича Бирмана, получившего образование на ихтиофаке Мосрыбвтуза, позволяла успешно работать во многих других областях гидробиологии. После выхода поистине революционной книги гелиобиолога А.Л. Чижевского Иосиф Бенционович блестяще ретранслировал его идеи применительно к тихоокеанским лососям и стадам камчатских сельдей, дав одновременно импульс применения методологии коллегам из соседних лабораторий института и далеко за его пределами.

Вообще говоря, можно смело утверждать, что весь смысл его творческой жизни состоял в том, чтобы лососёвое царство благоденствовало на родной Камчатке, как, впрочем, и на всей дальневосточной земле.

Иосиф Бенционович не был обласкан наградами, но титанический труд исследователя снискал ему заслуженную славу в отечественной и зарубежной ихтиологии.

...Как-то, вернувшись из очередного отпус­ка на материк, мы обменивались полученными впечатлениями. И тут я узнал, что он родом из Белой Церкви, что на Киевщине, из семьи местечковых евреев. Долгое время он не был на малой родине. При упоминании о ней Иосиф Бенционович будто воссиял внутренним благодатным огнем и тоской одновременно из-за покинутых навек родимых мест и отеческих гробов. Вообще говоря, он как-то не вписывался в облик классического еврея. Невероятно скромный, даже склонный к застенчивости, всегда был ровен с сослуживцами и в быту. Незаслуженно отодвинутый от СЯРКовского официоза, он никогда и ни при каких обстоятельствах не выдавал своей обиды.

По молодости он увлекался тяжёлой атлетикой, подавая даже чемпионские надежды. Последнее помогло ему легче перенести тяготы участия в качестве ополченца в наступлении Красной Армии под Москвой в декабре 1941 г. Этим фактом в своей боевой биографии он как-то поделился, когда отмечалась юбилейная дата нашей первой крупной победы над гитлеровцами. При этом недоумённо добавил, что никому бы никогда не поверил, будто можно спать на ходу. А он такое испытал на себе во время многокилометрового пешего марша по снежному массиву к Можайску. С тех навсегда памятных дней у него хранился подобранный в снегу возле разрушенной городской библиотеки томик рассказов Л. Толстого. Иосиф Бенционович неоднократно избирался институтским парторгом, что подкрепляло впечатление о его честности и принципиальности.

Боготворил детей. Своих у него было три девочки, ныне проживающие в Израиле. А я теперь не найду его могилы на старом Халактырском кладбище, чтоб поклониться Иосифу Бенционовичу...

Дом Бирмана всегда был открыт, хлебосолен и радушен, не без участия добрейшей хозяйки Ольги Филипповны. Иногда я с женой бывал у Бирманов на новогодних тор-

жествах. Иосиф Бенционович умел веселиться и петь. Поскольку моя супруга тоже была украинкой, они симпатизировали друг другу, часто «спивали» украинские песни и забавно «балакали» по-малоросски. Помнится, как всем институтом праздновали впервые утверждённый в стране День науки, было это в исчезнувшем ныне ресторане «Камчатка», располагавшемся при гостинице «Восток» на Ленинской улице. Теперь на том месте банальная автостоянка. В 1964 г. я женился, и Иосиф Бенционович гулял на нашей свадьбе. Спустя пару дней с восторгом рассказывал мне, что, употребив в застолье бутылку коньяка, не почувствовал на себе последствий случившегося. А вообще-то он не очень жаловал спиртное.

И.Б. Бирман любил искусство, не пропуская ни одной театральной премьеры и гастролей заезжей эстрадной знаменитости. Камчатка в ту пору была избалована вниманием «звёзд», чему в немалой степени способствовал возглавлявший тогда областную филармонию бывший министр культуры одной из прибалтийских республик, имевший связи в верхних этажах советской Мельпомены. Однажды ему даже удалось завернуть на Камчатку возвращавшийся с японских гастролей Большой государственный симфонический оркестр СССР. То был фурор и полнейший аншлаг.

Не раз И.Б. Бирман мобилизовывался на практикуемые тогда сельхозработы. Мог бы и отказаться по причине своего недуга, но совесть не позволяла. Зная об этом, лабораторная молодёжь избавляла Бенционовича от тяжёлых занятий. В быту же милейший Иосиф Бенционович оставался очаровательным дже­ромовским дядюшкой Поджером.

Атлетично сложенный, всегда при галстук­е и в отутюженном костюме — вот он степенно вышагивает по институтскому коридору при неизменном старомодном академическом портфеле.

В горниле Бирмановской лаборатории морских исследований лососей выросла, став знаменитой либо заметной, целая плеяда учёных: Б.М. Медников, С.П. Корженко, С.М. Коновалов, Л.Е. Грачёв, А.С. Николаев, Л.Д. Андриевская, Л.В. Пискунова,

В.И. Шершнева, В.И. Карпенко, С.А. Синяков, В.П. Кисляков, В.Г. Ерохин.

Завершая сию скорбную и одновременно радостную повесть о замечательном человеке и большом учёном Камчатской земли, смею утверждать — и со мной не могут

не согласиться знавшие его сослуживцы — что Иосиф Бенционович Бирман относился к той редкой породе людей, подтверждающих своим поведением одну непреложную истину, что мы вечны, значит едины.

Поступила в редакцию 27.04.2015 г.

Принята после рецензии 27.04.2015 г.